

ТАЛАНТ, ТРУД,
ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ
ХУДОЖНИКА

Кино, театр Советского Азербайджана в последние годы настойчиво и успешно обращаются к острым современным проблемам морали и этики, нравственного воспитания. Этому посвящен разговор корреспондента «ЛГ» с лауреатом Государственной премии СССР Рустамом Ибрагимбековым — прозаиком, драматургом, автором сценариев фильмов «Допрос» и «Перед закрытой дверью», многих других произведений, известных далеко за пределами республики.

Рустам ИБРАГИМБЕКОВ

СРЕДИ
ЛЮДЕЙ

* ПУТЬ К ГЕРОЮ

* НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ!

* СУДЬБА РЕЖИССЕРА

— Ваши герои — такие, как красноармеец Сухов из «Белого солнца пустыни», нефтяник-первооткрыватель Фарид Салаев, следователь Сейфи из «Допроса», — в схемы не укладываются, их не разместишь по тематическим полочкам. И все-таки есть, вероятно, определенный круг общественных проблем, наиболее интересующих вас как художника?

— Человек и среда, в которой он существует, их взаимоотношения. Этот вопрос во всех своих модификациях чрезвычайно важен для современного общества, а следовательно, глубоко интересен искусству. Под окружающей средой мы чаще всего разумеем природу. И здесь большая и большая проблема. Но она представляется мне «вторым этажом» проблемы другой.

Никогда еще за всю историю человечества коллективный способ существования не становился столь всеобъемлющим, как в нашей стране. Мы, по сути говоря, с момента своего рождения ощущаем себя в коллективе: ясли, детский сад, школа, работа, общественные обязанности... Некоммуникабельность, о которой столь много говорят на Западе, проблема у нас не слишком актуальная, как правило, рано или поздно даже самый ярый индивидуалист оказывается вовлеченным в общение.

Первостепенность, как мне представляется, в другом. Успешное существование коллектива — в постоянном развитии. Потому очень важно, чтобы время от времени люди находили в себе внутреннюю смелость увидеть и сказать вслух, что некоторые коллективные установки устарели, изжили себя и их надо пересматривать. Решиться на это непросто, но необходимо для пользы самого коллектива. Возможны, конечно, ситуации, когда такой человек ошибается, но из всех коллизий, связанных со взаимоотношениями личности и среды, меня особенно интересуют те, где права личность.

— Энергичная личность, способная увлечь многих, повести за собой, противопоставить свое мнение устоявшемуся?

— Любое человеческое качество рассматривать в отрыве от конкретного контекста жизни всегда опасно. Способность совершать решительные поступки, «брать на себя» в одних случаях прекрасна, в других может принести непоправимый вред. «Сверхрешительная» личность сегодня может и мир уничтожить, технических средств для этого накоплено достаточно.

Передовая русская критическая мысль еще в прошлом веке мечтала об активном, действенном герое литературы. В то же время внимание многих больших художников было обращено к герою совсем иного типа — казался бы, слабому, полному сомнений, редко способному на решительные поступки, не позволяющему себе ответить обидой на обиду, злом на зло. Это связано, мне кажется, с тем, что их гений предощущал ситуацию, когда ошибочное действие одного человека может, как я уже сказал, повлечь за собой катастрофические последствия.

Поэтому, в принципе высокая цена натуры сильные, независимые, решительные, я понимаю, как важно, чтобы сила эта не была агрессивной, независимостью — высокомерной, решительностью — бездумной.

Перед беседой я познакомился с тремя новыми, по моему, интересными и своеобразными работами Рустама Ибрагимбекова. На «Азербайджанфильме» по его сценарию сняты художественная картина «Деловая поездка» и документальная «Последнее слово...». В Бакинском театре имени Самеда Вургуня он сам поставил свою пьесу «Похороны в Калифорнии». Пока сравнительно немногие зрители знакомы с этими

произведениями, стоит, наверное, представить их чуть подробнее.

Сначала о «Деловой поездке» (режиссер Р. Исмаилов). Молодой механизатор впервые приезжает в Баку, для того чтобы разыскать человека, который когда-то давно взял у его отца в долг крупную сумму денег, да так и не отдал. Эти два или три дня многое переворачивают в психологии сельского парня, в его представлениях о жизни.

— Для меня важны в этом фильме несколько тем. Например, такая: очень часто мы о чем-то судим с чужих слов, заходя относимся с предубеждением, основываясь на чужом знании, которое к нам неприемлемо.

«Знаю я вас всех, городских!» — в сердцах бросает герой встреченной им хорошей девушке. «Что ты знаешь о городских людях?» — со справедливой запальчивостью возражает она.

Далее. В сложном процессе миграции, переселения в город сельских жителей слишком много судеб случайных. Есть люди вполне достойные, но бездельники (мы их в фильме показали), но они не нужны городу, порой они в нем блекнут, теряют лучшие качества. В то же время герой «Деловой поездки» как раз из тех, кто «вписался» бы в город, не теряя в нем себя. Даже внешние факторы в его случае преодолели более или менее просто. Он легко мог найти работу по душе, и без квартиры не остался бы, и девушка, которая приглянулась, была готова откликнуться на его чувства. — Город, вопреки всем первоначальным предположениям, не оказался к нему недружелюбным.

Что же тогда заставило его вернуться в село, где он родился и вырос? Фильм не дает однозначного ответа на этот вопрос. Но представьте себе, что группа людей несет на плечах каменную плиту. Кто-то из них может позволить себе незаметно ослабить плечо. Но если это сделают сразу несколько человек, камень придавит всех. В мире всегда существовали люди, пытающиеся прожить свой век расслабленно. Это, кстати, им нередко удается, потому что всегда находятся другие, которые берут бремя жизни на себя. Страшно, однако, подумать, что произойдет, если критическое число людей попытается освободить себя от ноши.

Так вот, этот парень как раз из тех, кто не может позволить себе подобной роскоши. Категория людей, далеко не всегда житейски счастливых. Я, признаться, порой с любопытством всматриваюсь в некоторых (совсем неплохих) людей, которые освобождают себя от многого, что другим кажется обязательным. Небольшие любуются легкостью их существования, способностью что-то захотеть, то и делать. Но если все так?

Поэтому мои симпатии и сочувствие на стороне тех, кто взваливает на себя груз жизни. Ведь что такое вообще духовность, интеллигентность? Прежде всего это не уровень образования, а особый склад души, способность жить не только личными интересами. Подлинный интеллигент осуществляет связь времен, о которой говорил Гамлет, в том смысле, что ощущает себя необходимым звеном в бесконеч-

зате, что так трагично сложилась жизнь не каких-то законченных подонков, а вполне нормальных, ничем не выделявшихся среди своих товарищей парней. Странно было бы в наше время надеяться, что можно одним фильмом, одним произведением произвести переворот в сознании. Но пробуждать и поддерживать человеческое в человеке искусство может и должно. И нам очень хотелось, чтобы сидящие в зале люди за-

прочтения пьес, не просто излагающих современную драматическую ситуацию, но тонко, в мельчайших подробностях исследующих через частную историю определенный отрезок жизни нашего общества.

Я привел в качестве примера эти два столь разных спектакля еще и для того, чтобы порадоваться за Атакишева, имеющего постоянную театральную площадку для реализации своих замыслов и возможностей, и посочувствовать талантливейшему, остро ощущающему своеобразие нашей современности режиссеру Васильеву, который до сих пор «бродит» по театрам (недавно об этом со справедливой болью говорилось в «ЛГ»).

В лучшие театральные времена существовала определенная гармония. Чехов и Горький встретились со Станиславским и Немировичем, Маяковский — с Мейерхольдом. Пришли Розов и Володин — пришли Ефремов и Эфрос. Новому поколению драматургов (а есть очень интересные — и в Москве, и в Ленинграде, немало их и в братских республиках) посчастливилось меньше. Могу назвать десяток хороших пьес, которые не поставлены, даже если они идут на сцене. Да что там говорить — в этом смысле даже Вампилов до сих пор не поставлен!

В наше время, когда театр, оставаясь исповедальным, стал еще и искусством ярко проповедническим, драматургу важнее, чем когда-либо раньше, встретиться не просто с одаренным и высокопрофессиональным режиссером, а с личностью и гражданином, у которого те же «болевы точки». Чья собственная человеческая тема (а значит, и способы ее воплощения) близки тому, что уловил в современном мире и пытается выразить своей пьесой драматург.

Окружающая нас действительность изменяется стремительно, чем когда-либо раньше. В результате вечные проблемы человеческого бытия, оставаясь, как им и положено, вечными, очень ненадолго становятся «сегодняшними» и на глазах одного поколения приобретают новые качества, неотвратимо сменяются в «завтра». И очень трудно на столь короткой дистанции почувствовать это «сегодняшнее», суметь его выразить точно и честно. Не менее трудно встретить режиссера — единомышленника, который увидит и ошутит неповторимые сегодняшние черты вечных проблем созвучно тому, что видишь и ощущаешь ты.

Поэтому нет-нет, и возникает у драматурга желание, хорошо понимая ограниченность своих режиссерских возможностей, встретиться со зрителем без посредника.

Когда я поставил свой первый спектакль в Театре имени Самеда Вургуня, возник сравнительно небольшой круг актеров, которые очень увлечены, самоотверженно откликнулись на мои замыслы и предположения. От постановки к постановке круг расширился, и я убедился в том, что почти все актеры этого театра — истинные подвижники, бескорыстно служащие искусству в меру своих сил и способностей. Наверное, то же самое имеет место и в других театрах. Но я рад, что ощутил это в родном городе, в театре своего детства...

— В дни 60-летия образования СССР по-новому всматриваешься в привычные факты нашей жизни. Мне представляется, что судьба наших фильмов, пьес, книг, их героев, и которым неравнодушно относятся люди за тысячи и тысячи километров от Каспия, достаточно выразительно отражает расцвет ленинской национальной политики. Интересно, ведь вы, азербайджанский писатель, пишете на русском?

— Да, за редким исключением. Не могу сказать, хорошо это или плохо. Просто данность моей жизни. Я вырос в Баку, удивительном городе, где понятие интернационализма входит в плоть и кровь с детства. Я много езжу, и в какой бы уголок нашей страны ни забросили меня дороги, везде чувствую себя дома. Но сохраняю при этом потребность поскорее вернуться туда, где родился...

Беседу вел Р. ПОСПЕЛОВ

думались: «А не могло такое произойти со мной?».

— Сейчас, пожалуй, самое время перейти к спектаклю «Похороны в Калифорнии». Ибо речь в нем о том, как человеческое в человеке убивают. Не пуля, а ложь, алчность, фарисейство, цинизм. Страшный характер, например, превосходно воссоздан заслуженной артисткой Азербайджанской ССР Л. Духовой. Пленительная женственность, своеобразие, искренность, покоряющая импульсивность наджоминутных поступков не скрывают, а высвечивают полную нравственную атрофию.

Спектакль поставлен режиссером Р. Ибрагимбековым уверенно, зрело, он точно воплощает замысел драматурга Р. Ибрагимбекова. Напрашивается один вопрос. В стольном Театре имени Мохаммеда «Похороны в Калифорнии» выпускает С. Юрский, в Тбилиси над пьесой работает Р. Стуруза, а в Баку...

— ...в Баку почему-то за режиссуру взялся сам автор, да? Охотно сообщу, что никогда не предполагал ею заниматься.

— И тем не менее за пять лет — четыре постановки.

— Началось это, как и многое другое в моей жизни, случайно: для пьесы «Дом на песке» не нашлось режиссера. Тогда возникла мысль, исходящая, кстати, от актеров, взяться за постановку самому. Цель была самая скромная: поставить пьесу, которую я написал, в соответствии с тем, что написал, для людей, рядом с которыми живу четыре с лишним десятилетия.

Мои пьесы ставились в разных театрах разными режиссерами, с разной мерой успеха. Были работы, которые мне очень нравились, были — не очень. Что-то удавалось в одном театре, что-то в другом, и каждый раз возникал некий совокупный образ спектакля, собранный в моем воображении по методу гоголевской Агафьи Тихоновны: губы Николая Ивановича приставлялись к носу Ивана Кузьмича... Хотя, повторяю, были работы, которые очень нравились и зрителям, и мне. Например, спектакль «Дом на песке» в постановке Б. Щедрина, идущий на сцене Театра имени Мохаммеда уже более шести лет.

Сейчас часто говорят, что драматургия не поспевает за театром. А мне кажется, что, скорее, наоборот, режиссура пытается применять старые «отмычки» к новой драматической литературе, и часто терпит неудачи. Исключения редки, на мой взгляд: например, постановка Анатолием Васильевым пьесы Виктора Славкина «Взрослая дочь молодого человека» в Театре имени Станиславского. Или спектакль режиссера Гусейна Атакишева по пьесе Акрама Айлисли «Должность» в драматическом театре азербайджанского города Шеки. Я намеренно назвал две столь отдаленные друг от друга и территориально, и по многим другим признакам работы, чтобы подчеркнуть редкость точного режиссерского

ной цепи человеческих поколений. Звеном не только биологическим, но передающим через себя духовный опыт. Высокая и нелегкая миссия...

«Деловая поездка» лежит в русле традиционных, знакомых по другим произведениям Р. Ибрагимбекова размышлений о человеке и среде. Но вот документальный фильм...

Трое молодых заводских ребят выпили в день зарплаты, потом добавили еще и еще, дело дошло до пьяной драки и убийства. В «Последнем слове...» прямой авторского комментария нет. Тревожный стун милиционного телетайпа сопровождает сбивчивые оправдания обвиняемых, взволнованные показания свидетелей, слезы в голосе матери, бесстрастные вопросы судьи...

— Документальное кино живет по особым законам. Нужно идти за фактом, а не приспособлять его к себе.

У нас с режиссером Д. Зейналовым существовал общий замысел фильма, связанный с человеческим равнодушием, с тем, что многое горькое, страшное можно было бы предотвратить, если не отводить глаза в сторону. В ходе съемок мы столкнулись с разным материалом, пока не вышли на процесс, о котором идет речь. И тогда решили отказаться от всего остального, сосредоточить внимание именно на этом деле. Оно потрясло прежде всего тем, что все произошло на глазах у людей и мало кто решился вмешаться. Ведь началось с того, что на заводе молодые рабочие выпили со своим наставником, отмечали первую зарплату.

— Да, надрыв с горе-наставником особенно врезается в память. Полная убежденность в своей правоте («Выпили, ну и что... Я за себя отвечаю, могу и три литра выпить...»).

— С одного равнодушного началась эта трагическая история, и никто вовремя не остановил ее «героев», далеко не сразу совершивших преступление. По сути говоря, все, что происходит в нашей жизни, как только перейдет определенную грань, может обратиться в свою противоположность. Казалось бы, что плохого: несколько молодых рабочих решили вместе со старшим товарищем отпраздновать начало трудовой биографии, этот день мог добро вспоминаться ими всю жизнь. Но праздник обернулся трагедией.

Некоторые зрители говорят нам: «Вы сделали фильм с сочувствием к людям, которые совершили тяжкое преступление, а должны были их осудить». Мы отвечаем: «Нет, их осудил закон. Они справедливо наказаны. Но мы должны им сочувствовать».

Почему? Существует другой закон — зрительского сопереживания. Если дистанция между героем и зрителем слишком большая — в любую сторону: идеала или черной краски, — связь между ними рвется и все происходящее с героем перестает волновать зрителя. Поэтому очень важно было пока-